

Елена САФРОНОВА

**ВОЗМОЖНО ЛИ ДЕТЕКТИВНОЕ
«ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЕ»?**

В издательских кругах обсуждают последствия применения западных санкций против России. На книгоиздание и книжный рынок текущая ситуация повлияла так же сильно, как и на прочие отрасли экономики. В частности, многие ставшие нам привычными иностранные авторы приняли решение не допускать свои новинки в Россию. К примеру, от нас «ушла» Джоан Роулинг. Аналогичным образом поступили и несогласные с государственной политикой и обосновавшиеся на Западе российские писатели. В частности, Борис Акунин. В связи с этим представители издательств заговорили о «лакунах» в производственных планах. Грубо говоря, сегодня не получится выпустить многие книги, на которые ранее была надежда.

В этой статье мне хотелось бы затронуть не глобальные политические вопросы, а вполне прикладной аспект: возможно ли «импортозамещение», на которое сегодня уповают в промышленности, в узкой сфере развлекательной, прежде всего детективной, литературы. Зарубежные криминальные романы стали «культурным кодом» российского читателя, в том числе интеллектуального и подготовленного.

Литературный критик Александр Чанцев в книгу из статей и рецензий 2020 года «Ижицы на сюртуке из снов: книжная пятилетка» включил текст «Несбё и все-все-все» о феномене скандинавского детектива. На этом фоне критик уверенно особо выделил Ю Несбё и его героя Харри Холе. По его мнению, «Ю Несбё... изначально выламывается из моды — и делает это настолько красиво и мощно, что уже диктует ее сам. ...книги о Харри — детектив прекрасный, overdrive... Но это больше чем детектив, и отнюдь не меньше чем просто литература». Мне близка сделанная Чанцевым констатация факта, что один детектив является литературой, а другой — нет, как и любой роман любого жанра, и стремление отмечать в потоке художественной прозы романы, которые, так сказать, «делает» действие, а не рефлексия. Поэтому речь далее пойдет не о Несбё (он «заморозил» похождения Харри Холе и перешел на остросоциальные антиутопии, а такого добра у нас самих столько, что нужды в импортозамещении нет), а о книгах других авторов, также стоящих на «действии».

«Женская проза» и детективная проза

В поле «женской прозы» (я уже не раз оговаривалась, что употребляю это словосочетание как нейтральный, безоценочный, но безошибочный термин, указывающий на пол автора), вопреки расхожим предрассудкам, достаточно романов, основанных на действии, а не на эмоциях или игре с читателем. В силу широты темы попробуем сравнить детективы двух современных писательниц, достаточно полно представляющих жанр. Я имею в виду Джоан Роулинг и Елену Михалкову. Способна ли Михалкова «импортозаместить» британскую коллегу?

Выбираю эти два имени из возможного массива по причинам «две в одной». Оба автора, несмотря на принадлежность к прекрасному полу, не делают свои детективы «женской прозой», то есть не насыщают их семейно-любовными проблемами в ущерб детективной составляющей. Роулинг пишет детективы под мужским псевдонимом Роберт Гэлбрейт, и они достаточно «брутальны». Михалкова, кстати, тоже не настоящая фамилия автора. Для неё, как и для Гэлбрейта, детективное начало — на первом месте, а взаимоотношения героев с героинями — примерно на десятом. Тогда как в подавляющем большинстве образчиков детективного жанра, созданных россиянками, над собственно расследованием доминирует антураж и любовная линия. Таких «гламурных», любовных и даже эротических детективов в современном отечественном исполнении выходит так много, что жанр теряет «родовые черты»: закрученную интригу, динамичный сюжет, процесс постепенного вычисления злодея/первопричины злодейства, улики, рассеянные по тексту, и финальное торжество правопорядка над преступлением, то есть добра над злом. Как пример полного искажения жанра я приводила межавторский сборник «Эксмо» «Детектив-путешествие» 2019 года. Дальние страны, экзотические пейзажи, соблазнительные путешественницы и найденные в поездках возлюбленные на фоне решения детективных загадок «впроброс» произвели на меня такое скверное впечатление, что я перестала читать подобные сборники. Хотя в «нулевые» они были весьма интересны и давали животрепещущие срезы творчества современных российских детективщиков... Может быть, виноваты не столько авторы, сколько издательская политика. А вероятно, тут, как в даосском философском понятии «великий предел», изображаемом контрастными черно-белыми рыбками в круге, перемешаны причины и следствия. Поэтому невозможно определить, с чего началась деградация российского детектива XXI века. Для меня она, увы и ах, стала непреложным фактом.

Елена Михалкова — одна из немногих российских писателей, не изменяющих детективу как жанру. Это роднит ее с английской коллегой, как и тот факт, что в обеих сериях действуют частные детективы. Если для Запада это едва ли не классическая фигура детективного мира, то для России она нетипична. Может быть, в этом и секрет обаяния дуэта Макара Илюшина и Сергея Бабкина. И еще одна важная деталь: обе дамы-писательницы сделали своими героями мужчин. Считается, что персонаж похож на своего создателя. Наши авторы действовали от противного — формировали образы как можно более далекие от себя. Здесь я бы вспомнила «остранение» писателя, литературоведа и критика Виктора Шкловского применительно к легкому жанру («...не приближение значения к нашему пониманию, а создание особого восприятия предмета, создание “видения” его, а не “узнавания”». — Ред.).

В январе 2019 года Михалкова рассказала в интервью portalу «Ревизор.ру», откуда взялся ее дуэт сыщиков: «После института я работала в РОВД. Двое

оперативников запомнились мне на всю жизнь: первый был одаренным пройдохой, второй — оперативником от Бога, ищейкой, которую можно было заставить бросить след, только пустив её пулю в лоб. Из первого мог выйти гениальный мошенник или выдающийся адвокат; где бы он ни приложил свои способности, он добился бы успеха. Из него после соответствующей обработки получился Макар Илюшин. Из второго — его помощник, Сергей Бабкин: человек огромной физической силы и молниеносной реакции. Когда-то я считала, что будь у меня побольше опыта, я бы придумала героев оригинальнее. Но со временем стало очевидно, что в действительности это была удачная идея: я описывала людей, которые были мне знакомы. Возможно, благодаря этому они не осточертели мне к двадцатой книге, как, несомненно, случилось бы, будь герой чистым продуктом фантазии. Для меня очень важно любить своих персонажей».

От «поттерианы» к «страйкине»

Продолжим про творчество Джоан Роулинг. Происхождение литературного образа Корморана Страйка, как говаривал дед Щукарь, «покрыто неизвестным мраком». Возможно, эфемерный Роберт Гэлбрейт чем-то похож на Корморана Страйка, но это лишь мое предположение. Его детективная «вселенная» пока меньше поттерианы Джоан Роулинг. В основной серии поттерианы восемь книг (считая с пьесой-автофанфиком «Гарри Поттер и Проклятое дитя») плюс три официальных дополнения и три коллекционных издания. В «сериале» о частном детективе Корморане Страйке на сегодня шесть томов. Но поттериана длится с 1997 года, а цикл детективов о Корморане Страйке стартовал в 2013 году. Роулинг публиковала эти сочинения под псевдонимом, дабы избежать шумихи. Секрет вскрылся через три месяца, но литературное имя для детективов автор не поменяла. Тут уместно сказать, что для нее детективная интрига не нова и с успехом использовалась уже в поттериане: в каждой книге сюжет держался на кознях неведомого злодея, которой выяснялся лишь к финалу. И то, что для цикла о Страйке писательница назвалась вымышленным мужским именем, подчеркивает самостоятельность чисто детективного проекта.

На русском языке издано пять книг о частном детективе Страйке. Если перечислять по порядку, это: «Зов кукушки», «Шелкопряд», «На службе зла», «Смертельная белизна» и «Дурная кровь». По мнению критиков, с третьего романа о маньяке стало очевидно: Роулинг в жанре детектива не менее успешна, чем в подростковом фэнтези. Не говоря о том, что есть основание отнести роман «На службе зла» к психологической прозе. В этом романе описаны не только личные истории Корморана Страйка и его помощницы Робин Эллакотт, но и моральные травмы, сделавшие этих персонажей такими, какими они полюбились читателям. Элемент психологизма дозирован аптекарски четко и не превалирует над увлекательным сюжетом о поимке современного Джека-потрошителя, что лично мне кажется главной удачей книги.

В конце лета 2022 года в свет вышла шестая книга цикла под названием *The Ink Black Heart* (в переводе на русский «Чернильно-черное сердце»). Из открытых источников известно, что в шестом романе цикла Страйк расследует убийство YouTube-блогера, подвергшейся травле за трансфобные и расистские настроения. Западная пресса предполагает, что в книге нашла отражение биография самой писательницы. Этой книги нам в обозримом будущем по вышеозначенным причинам не видать... Впрочем, для того чтобы изучить Роулинг как автора детективов, достаточно пяти имеющихся в русских переводах книг.

Литературная серия о Страйке — книжный «вертикальный сериал», связанный общими героями и развитием их отношений. Отметим, что существует и телевизионный сериал «Страйк», в разработке сценария которого Джоан Роулинг принимала непосредственное участие. Главные роли в нем исполняют Том Бёрк и Холлидей Грейнджер. В 2022 году состоялась экранизация «Дурной крови». Почти все книги цикла получили киноверсии, однако в Рунете легально найти телесериал «Дурная кровь» невозможно.

Книги Михалковой тоже активно экранизируют, но у нее экранизаций меньше, чем литературных первоисточников. Наличие экранизаций — еще одно сходство двух известных писателей. Создание киноверсий положительно характеризует текстовую основу. Во-первых, оно говорит о популярности книги у широкой аудитории. Во-вторых, указывает на наличие в текстах «несущего конфликта», динамичности, ярких образов и прочих элементов зрелищности. В экранизации за «прекрасный слог» без внятного и захватывающего сюжета не спрячешься. Кино демонстрирует, что обе наши героини умеют таковой выстраивать.

Частный детектив с нелегкой судьбой

Центральный герой Гэлбрейта Корморан Страйк интересен как литературный образ и как персонаж с тщательно продуманной биографией. Он внебрачный сын знаменитого рокера Джонни Рокби от супергруппы (известной поклонницы рок-группы. — Ред.) Леды Страйк. Мать Корморана прожила недолгую несчастливую жизнь: сходилась с недостойными типами, родила двоих детей от разных отцов, не умела вести домашнее хозяйство, налаживать быт, распоряжаться деньгами. Даже когда суд назначил ей алименты от Рокби, она подседа на наркотики и скончалась от передозировки. Ее старшему сыну было в это время 20 лет. Бесприютное детство привело сестру Корморана Люси к безусловному принятию «семейных ценностей». Она рано выходит замуж, растит троих сыновей, истово верит, что ее жизнь единственно правильная, а также стремится «оженить» брата. Страйк был много лет влюблен в красавицу-аристократку Шарлотту Кэмпбелл. Полтора десятка лет они провели бок о бок в постоянных ссорах, разрывах и воссоединениях, пока Шарлотта не бросила его и не вышла замуж за человека своего круга. После этого Страйк стал бояться длительных серьезных отношений. Несмотря на специфическую внешность — высокий, полный, без одной ноги, с перебитым носом и курчавыми волосами, которые сатирически сравниваются с лобковыми, он пользуется успехом у женщин. Однако отставляет любовниц, как только они начинают тянуться к большей близости. Памятуя, сколько волнений причиняли ему маленькому партнеру мамы, чурается женщин с детьми. Наверное, поэтому Страйк живет «на антресолях» над собственным агентством, в тесноте и неудобстве, но в блаженной независимости «от баб».

Шарлотта Кэмпбелл, позже Шарлотта Росс, — чистый энергетический вампир, «собака на сене», которая не хочет отпускать его же брошенного сожителя и таскается за ним на протяжении всех книг, взывая к былым чувствам, прикидываясь мученицей или звоня ему из психушки. Линия вампиризма Шарлотты связывает все романы серии, но остается в тени расследований Страйка и его симпатии к милейшей Робин, доросшей от временно нанятой секретарши до партнера — совладельца детективного агентства.

Наперекор рациональности и практичности Страйк поступает не только в отношениях с женщинами. После смерти матери он бросил Оксфорд и пошел

служить в военную полицию. В этом качестве главный герой несколько лет провёл в Афганистане, где подорвался на mine в машине вместе с другом Ричардом Энстисом. Страйк спас товарищу жизнь, но потерял половину правой ноги. Невзирая на инвалидность, ему предлагали остаться в армии, но Страйк демобилизовался и на «гражданке» выбрал заведомо более хлопотное по сравнению со службой в полиции, куда поступил Энстис, ремесло частного детектива. Для «стартапа» детективного агентства Страйку пришлось обратиться за займом к Джонни Рокби. Это была их вторая встреча за всю жизнь Корморана. Папаша ссудил сынулю деньгами на жестких условиях. Детективная сага начинается с того, что адвокаты Рокби преследуют нищего Страйка, требуя очередных выплат долга. Вот-вот ему придется продавать агентство, не имеющее клиентов и приносящее лишь убытки и разочарования. Однако блестящее расследование выглядящей как самоубийство кончины супермодели Лулы Лэндри даёт Страйку «стартовый капитал». От книги к книге агентство Страйка крепнет, зарабатывает репутацию, накапливает клиентуру, и призрак «долговой ямы» улетучивается. Чтобы закончить тему семейных и личных неурядиц частного детектива, стоит отметить, что по мере роста известности Страйка отношение к нему Джонни Рокби меняется. К пятой книге стареющий рок-идол уже не прочь погреться в лучах славы одного из своих отпрысков (их у Рокби едва ли не десяток, и большинство внебрачные). Отец предлагает сыну публичное воссоединение семьи, но Страйк ничего не забыл и не простил. В книге «Дурная кровь» он посылает горе-отца туда, где тому самое место. Конфликт Страйка и Рокби не завершён, но вряд ли может служить одним из двигателей сквозного сюжета.

Даже несимпатичные подробности взросления и частной жизни Страйка имеют художественный смысл. Они придают повествованию жизненные детали и эмоциональный фон, без которых истории про Страйка выглядели бы схематично. В части психологической окраски детективы Гэлбрейта более близки английским классическим романам, чем британским классическим детективам. Вспомним Эркую Пуаро: лично о нём мы знаем только, что он уверен в работе своих «маленьких серых клеточек» и маниакально привержен чистоте, порядку и симметрии. Ещё проскальзывало, что Пуаро начинал как полицейский. В остальном персонаж с его геометрически правильными усами и любовью к смородиновой настойке «висит в воздухе». Читатель не осведомлен о его детстве и юности, родителях, привычках, любовных драмах и источниках дохода. Ясно только то, что никакой здоровый образ жизни не поможет немолодому человеку прожить в силах и здравии 55 лет. Именно столько времени Пуаро существовал в издательском процессе, пока Агата Кристи писала свои новые книги. Комичный маленький бельгиец выглядит не человеком (к созданию таких фигур тяготеет «большая литература»), а функцией, машиной, вычисляющей преступника, что не помешало Пуаро стать одним из столпов мирового детектива.

Роберт Гэлбрейт идет по другому пути. Его Страйк окружен множеством деталей, придающих образу правдоподобие и жизненность. Он даже отмечает дни рождения, то есть «старет». Жизненные перипетии создают ему «арку героя». Атрибутика детективов Гэлбрейта настолько завязана на особенностях юстиции и судопроизводства Великобритании, что напоминает книгу «Чисто английское убийство» Сирила Хейра. Такая детализация облекает «скелет» авторской идеи в плоть повседневной жизни различных слоев британского общества. При этом предпочтение отдается населению небогатому и незнаменитому. По мне, это замечательно. Многим современным российским детективам хочется проорать:

«Задолбал гламур!» Такой слоган я видела в «нулевые» на ржавом и грязном маршрутном такси производства ГАЗ... Но станет ли Страйк таким же персонажем-символом, как Шерлок Холмс, Пуаро или Ниро Вульф (намеренно перечисляю только книжных героев — частных детективов), судить пока рано...

Милейшая напарница Страйка

Те же самые продуманность, проработанность и заботу о достоверности можно отметить и в главном женском образе цикла — Робин Эллакотт. Она не просто простодушный спутник опытного детектива, через общение с которым тот приходит к определенным умозаключениям. Как это было с небезызвестными доктором Уотсоном или капитаном Гастингсом. Это полноценно прописанная фигура мечтавшей о карьере следователя уроженки Йоркшира, пережившей в юности нападение насильника, а в молодые годы — несчастливый брак с Мэтью Канлиффом. В связи с пережитыми стрессами Робин пользуется услугами психотерапевта. Слава богу, психотерапевтическая линия в данном цикле абсолютно пунктирна. Зачастую в современных «импортных» детективах пугает засилье психиатрии. Оно достигло апогея в романах Алекса Михаэлидеса и Майка Омера. Если это не апофеоз, а лишь подступы к нему, то какой ужас нас ожидает?.. Кроме того, Робин обладает опытом экстремального вождения и с каждой книгой становится все более прозорливой сыщицей. Как и Страйк, его напарница регулярно отсчитывает годы своей жизни. В «Дурной крови» ей исполняется 30 лет. Как и Страйк, Робин настрадалась от представителей противоположного пола и после развода с Мэтью стремится едва ли не к аскезе. Наконец, Робин как литературный образ или проекция «вероятной» личности приятнее Страйка. В ней больше гармонии, равновесия, не говоря о женственности и хозяйственности. Страйк от романа к роману все более проникается прелестью Робин и все отчетливее чувствует, что лишь она одна понимает и принимает детектива со всеми его «закидонами». Но то ли из-за личных комплексов, то ли из сочувствия к ее невезучей личной жизни он продолжает держать с совладелецей агентства мужскую дистанцию. Вектор отношений Робин и Страйка на протяжении книжной серии должен привести если не к законному браку, то к постели. Хотя многим рецензентам кажется, что недосказанность между главной «парой» есть авторский прием для увлечения читателя и потому он будет сохраняться все время. Пока же животрепещущая тема замерла на платонической симпатии, и возможности ее развития очевидны — сближение сугубо сексуальное, полноценный брак или бесконечное «пережевывание соплей». Не видится реальным только сценарий с расставанием и уходом кого-то из главных героев из агентства. Повествование стоит на них как на двух полюсах инь-ян, на единстве и борьбе противоположностей. Исчезновение любого из них отберет добрую половину материала для художественного конструирования.

Чем кровавее, тем интереснее

Вместе с тем нельзя сказать, будто привлекательность саги о Корморане Страйке зиждется только на сложном развитии любовного сюжета. Гэлбрейт выбрал заведомо выигрышную форму «кровавого» детектива. В основе всех расследований Страйка лежит убийство или внезапная смерть. По ходу большинства повествований трупы множатся. Сюжеты постараюсь не выдавать, но в общих чертах упомяну. Первый роман «Зов кукушки» — про таинственное

самоубийство модной модели, оказавшееся следствием внутрисемейных распрей (непонятная поначалу «кукушка» из названия указывает на приемных детей). «Шелкопряд» повествует про исчезновение популярного писателя Оуэна Куайна, превратившееся в расследование его садистского убийства. Попутно дается хлесткая сатира на литературные круги Британии. Ключом к разгадке убийства становится пакостная рукопись «Бомбикс Мори» («шелкопряд» на латыни), которую считают последним произведением покойника. Откровения Гэлбрейта насчет литературного цеха местами не уступают поляковскому «Козленку в молоке». Наверняка для читателей-британцев многие шаржи на писателей очевидны.

Третья книга «На службе зла» — самая кровавая во всем цикле. Она посвящена поискам маньяка-убийцы по прозвищу Шеклуэльский Потрошитель. На протяжении книги душегуб не только забирает жизни нескольких девушек, но и покушается на жизнь Робин. Ей приходится идти на собственную свадьбу со свежим уродливым шрамом во всю руку. Здесь же Страйк прогоняет Робин из агентства за промашку, но вскоре раскаивается и готов простить и принять назад. Хотя мог бы остаться без помощницы, волком-одиночкой... Поэтому я считаю, что оба сыщика имеют для автора не самостоятельную, а «парную» ценность. Они выступают тандемом, и, значит, сколько бы продолжений у цикла ни вышло, они будут с двумя опорными персонажами.

«Смертельная белизна» — самый великосветский и запутанный сюжет саги. Расследование детектива-калеки вторгается в правительственные сферы и густо приправлено погоней за предметами искусства. Невзрачная картинка из чулана оказывается забытым шедевром, стоящим такую сумму, за которую не жаль несколько жизней положить. При этом злодеями движет не только жажда наживы. В романе остается место для семейных драм, адюльтеров и политических игрищ... Так же как в «Шелкопряде», в портретах писателей, политиков и чиновников угадываются если не конкретные прототипы, то как минимум собирательные образы публичных людей.

Наконец, заключительная для российской аудитории книга цикла «Дурная кровь» — ретроспективное расследование таинственного происшествия тридцатилетней давности. Изучение исчезновения молодой женщины-врача усложняется тем, что половина участников преступления покинула мир живых. В их числе следователь, помешанный на знаках зодиака и их влиянии на судьбу и прочей мистике. Он оставил записи, но толку от них немного — слишком много места в тексте занимают магические символы и иной бред. Вычислив подлинного виновника, Страйк устанавливает целый ряд жертв, умерших якобы от естественных причин. В «Дурной крови» Гэлбрейт талантливо обыграл принцип пазла. Составление целостной картины преступления из обрывков информации захватывает читателя с головой и держит до самого конца.

Гэлбрейт свято блюдет золотое правило детектива: во всех романах убийца находится среди действующих лиц, а не проникает в сюжет со стороны, он точно не шофер и не садовник. При всем том на протяжении пяти первых книг серии детективная канва ни разу не повторилась.

Социальное начало

В описании социума Гэлбрейт стремится к полной достоверности. Его фирменное внимание к деталям простирается на акценты и диалекты территорий, где сыщики бывают в ходе расследований, особенности разговора разных

социальных страт и даже «речевые характеристики» второстепенных героев. Сложное даже для английского уха имя Страйка (взятое матерью из кельтской легенды, ибо они выходцы из Корнуолла) его собеседники то и дело коверкают. Произносят как Камерон и Кэмерон, сокращают до Корм или подменяют кличками. Например, Бунзен — слово из лексикона Штыря, друга детства и прибалтненного типа. Поэтому прямая речь в книгах о Страйке особенно сочна. Авторская речь менее склонна к изыдному либо саркастичному английскому юмору, чем слог Роулинг в «Гарри Поттере», но тоже вполне художественна и зрима. Единственный недостаток — многословность. В уточнениях и описаниях Гэлбрейт превзошел даже старшую коллегу — Филлис Дороти Джеймс. С другой стороны, благодаря описательности автор практически ведет хронику лондонского быта. Не могу судить, есть ли на карте британской столицы Денмарк-стрит или любимые пабы Страйка, но это последнее, о чем хочется думать при чтении. Гэлбрейт создает плотную описательную ткань из таких мелочей, как расценки на товары и услуги, зарисовки лавчонок, сквериков или кладбищ, ценки в универмагах, метро, квартирах фигурантов дела или сыщиков, аксессуары, модные бренды, предметы туалета, марки автомобилей или пива, породы собак, котов и лошадей и еще множество деталей того, что зовется жизнью. Особое место занимают тонкости слежки, нюансы грима и маскировки. Судя по всему, Роулинг замечательно проконсультировали о работе детективного агентства.

Наконец, Гэлбрейт «по-крупному» работает с общественными потрясениями. Детективные сюжеты развиваются на фоне правдоподобных социальных процессов. Причем к последним книгам цикла их конкретизация нарастает. Социальный посыл «Зова кукушки» — противопоставление мира честных тружеников вертепу большой моды и гнусности нравов высшего общества. В «Шелкопряде» таковым становится уродливый моральный облик писателей, «властителей дум». Роман «На службе зла» социален, поскольку радикальные и патологические формы социопатии неприемлемы для общества. В «Смертельной белизне» ширится рабочее движение, а членов правительства обвиняют в бесчинствах британской армии и спецслужб за рубежом. В «Дурной крови» обсуждается автономизация Корнуолла — частный пример европейских тенденций к обособлению территорий. Судя по анонсу, общественная значимость «Чернильно-черного сердца» — в освещении феномена сетевой травли и обвинений в трансфобии и шовинизме. Все это явления не просто узнаваемые, но «горячие» — от подобной травли пострадала сама писательница. Гэлбрейт не боится вводить «горячие» темы в свои на первый взгляд развлекательные книги. Может, она таким образом «ловит хайп»?

Частный детектив на русской почве

Перейдем к Елене Михалковой и ее частным сыщикам. Для полноты картины отметим, что на сегодня у автора вышло сорок книг. В некоторых из них тандем Илюшина и Бабкина не действует. Это ранние детективы «Жизнь под чужим солнцем» и «Дом одиноких сердец», два детектива об аферистах «узкопрофессиональных» сфер — «Иллюзия игры» (казино) и «Алмазный эндшпиль» (ювелирка).

А также два сборника рассказов о расследованиях гувернантки миссис Норидж — эксперименты с типично английской детективной канвой и набором персонажей. Зимой 2021 года рассказ из первого сборника был разобран неформальной группировкой критиков «Лаборатория критического субъективизма»,

«взвешен, измерен, подсчитан» и признан слишком легковесным в литературной части. Вероятно, потому, что это подражание, а не подлинник.

Казалось бы, с таким опытом Михалкова вправе претендовать на «роулингозамещение», но все ли так просто?..

Поэтому давайте остановимся на «оригинальных» детективах Михалковой. Среди них главенствующее место и количественно, и качественно занимают произведения частных сыщиков Макара Илюшина и Сергея Бабкина. Так как число романов об этой парочке близится к четырём десяткам, представить каждый хотя бы вкратце, как с книгами Гэлбрейта, в рамках одной статьи невозможно. Остановимся на презентации ведущих персонажей и разборе общих правил построения детективных сюжетов Михалковой.

Прежде всего стоит отдать должное фантазии российского автора детективов. На уровне сюжетных коллизий она еще ни разу не скопировала себя, всегда выдумывая что-то новое. Она не «клишировала» расхожие шаблоны и не использовала находки коллег. Разве что мне померещилась женская версия брутального и очень «мужского» хода, придуманного Ю Несбё для маскировки преступника в автомобиле, в романе «Тот, кто ловит мотыльков». Может, действительно померещилась...

Свое кредо Елена Ивановна выразила в одном из интервью: «Основное соображение — избегать самоповторов. Есть большое искушение почти для любого автора: повторять собственные удачные вещи, использовать одну и ту же схему в разных обрамлениях. Читатель часто любит автора именно за предсказуемость, но здесь мне пришлось выбирать между интересами условного читателя и моими собственными: я знаю, что мне очень быстро надоело бы ходить исхоженными тропами. А что может быть грустнее, чем детективщик, которому скучно писать детективы!» Наверное, поэтому, хоть автором написано около сорока книг, читать ее новинки неизменно интересно — не бывает впечатления дежавю. Сюжеты Михалковой причудливее и прихотливее, чем у подавляющего большинства отечественных детективщиков.

Единственным исключением из правила о постоянном разнообразии можно назвать мотив преступления, затерянный в далеком прошлом, что в книгах Михалковой присутствует регулярно. Да и не только у Михалковой. След из прошлого — богатая фактура для детектива. Не счесть мастеров жанра, воздавших ей должное. Михалкова избрала для своих сыщиков удачную специализацию — поиск пропавших людей. Это изначально направляет повествование в ретроспективу. Оригинальность исходных конфликтов нашего автора объясняется тем, что опасные «скелеты в шкафу» хранятся у обычных, не родовитых и не знаменитых людей. Они возникли не в связи с глобальными историческими переворотами и потрясениями, а в ходе заурядной жизни семьи, соседей, дружеской компании, одноклассников, сослуживцев... Изредка в цикле Михалковой возникают драгоценности, спрятанные после революции или в ходе «передела собственности» начала 1990-х годов. Эха Великой Отечественной войны не было ни разу. Актуальной политики — тоже. Но иногда ниточка тайны протягивается в современность из Средневековья реального («Манускрипт дьявола») или вымышленного («Дудочка Крысолова»). Что приятно, в основном движущие силы книг Михалковой не общественно обусловленные и не финансовые. Писательница отдает своеобразную дань человеческим чувствам — на первый план выходят ревность, включая подростковое соперничество, зависть, любовь, ее отсутствие или переход в различные свои противоположности, дефицит

эмпатии, вакуум вместо тепла и взаимопонимания между близкими людьми, желание мести. Более половины историй Михалковой про дуэт Илюшина и Бабкина — возмездие за старые обиды или грехи или неудачные попытки избежать одного. Особое внимание автором уделяется комплексу «сверхчеловека», превращающему двуногое разумное существо в монстра. Довольно много книг Михалкова посвятила тому, куда способно завести людей ощущение собственной исключительности, — и рассмотрела разные грани итогового безумия. Ее злодеями становились маньяки, домашние тираны, удачливые бизнесмены, неудачливые бизнесмены, маменькины сынки, школьные изгои, очаровательные домохозяйки, сироты, бывшие «классные королевы», беспринципные обыватели. Есть даже чокнутая писательница, пародия то ли на «Мизери» Стивена Кинга, то ли на саму себя, вроде Ариадны Оливер Агаты Кристи.

Это не единственный пародийный образ творческого человека в саге про Илюшина — Бабкина. Детективный дуэт по роду деятельности сталкивается с фотохудожниками, писателями, сценаристами, скульпторами, живописцами, артистами, режиссерами, изготовителями эксклюзивной бижутерии и даже эстрадными звездами. Представителей «творческих элит» писательница живописует с щедрой долей иронии. Именно благодаря этой иронии деятели искусства у нее получаются живыми и правдоподобными. Тогда как «корпоративная этика» и нравы творческих страт становятся одним из источников детективного конфликта. Одна из последних книг Михалковой «Тигровый, черный, золотой» препарирует взаимоотношения внутри вымышленного Имперского союза художников. Кровавая детективная интрига связана с... э-э-э... (не хочу раскрывать детективный замысел) использованием картин не по назначению. Выглядит это как неплохой шарж на дутые таланты, которые, согласно известной песне Окуджавы, «обожают собираться в стаи — впереди главный во всей красе», и на творческие объединения. Когда в массу бездарей или «пропивших» (продавших) свои таланты затесывается подлинное дарование, его скорее сожрут, чем признают таковым. Из, казалось бы, насмешки возникает серьезный вопрос о критериях противопоставления профессионализма — непрофессионализму в условиях вольной эластичной трактовки данных понятий. Мне в «Тигровом...» было приятнее видеть сатиру, чем детектив.

Не исключены возражения в духе «Михалкова как автор “легкого”, развлекательного или массового жанра не настолько профессионал, чтобы иметь моральное право иронизировать над настоящими мастерами пера и кисти». Моя позиция проста: тот, кто владеет правилами жанра, уже профессионал. Сочинять гораздо сложнее, чем писать о том, что хорошо знаешь или что тебя волнует. Тем более что самая модная на сегодня проза-автофикшен сводится к «излиянию души».

Примечательно, что провинции и ее жителей в романах Михалковой не меньше, чем столиц и обитателей мегаполисов. Здесь она идет вразрез с традициями «гламурного» детектива, о которых я неодобрительно говорила выше. Ненавязчиво, но постоянно, из книги в книгу нашего автора, звучит мысль: в глубинке тоже живут люди, не менее заслуживающие внимания, чем «чистая публика». Их нельзя причислять под одну гребенку или огульно наклеивать ярлыки. «Простые, чистые душой люди» и «безграмотное быдло» — равно утрированные и далекие от истины утверждения. Лейтмотивом звучит то, что в периферийном тихом омуте тоже могут разыграться нешуточные страсти. Кстати, это «застолблено» и «боллитрой» (большой литературой. — *Ред.*)...

Башня из слоновой кости

При всей заботе Михалковой о правдоподобию типажей и прорисовке провинциальных пейзажей есть момент, в котором она серьезно уступает британской коллеге. Детективы Михалковой разыгрываются в химически чистой среде. В ее романы не проникают актуальные проблемы наших дней, Так, у писательницы нет политических детективов, в художественную ткань повествования не вплетаются линии со спецслужбами, партийными или парламентскими противостояниями, тем паче шпионскими страстями. Не обязательно забираться так высоко. Возьмем для примера пандемию коронавируса — на самоизоляции оказались герои не только «серьезных» произведений, но и детективов. Например, Наталья Андреева споро сочинила книгу «Любовь и смерть на карантине», где действующие лица вынуждены постоянно отмечаться в электронной системе. Им приходится находиться дома и при этом разгадывать загадку жестоких убийств в соседнем парке. Писатели Литвиновы отреагировали на пандемию романом «#останься дома и стреляй!» о приключениях во время самоизоляции журналиста Димы Полуянова и библиотекаря Нади Митрофановой.

Между тем в романах Михалковой, вышедших в указанный период, даже слово «коронавирус» не звучит!.. Макар Илюшин с Сергеем Бабкиным не стеснены необходимостью не покидать квартиры и отчитываться о своем присутствии. Для остросюжетности это здорово, для достоверности не очень. Что из этих двух факторов важнее? На данный вопрос каждый автор отвечает сам. Михалкова сделала выбор в пользу «свободы» своих персонажей.

Казалось бы, вышедший под новый, 2023 год роман Елены Михалковой «Перо бумажной птицы» не мог обойтись без отсылок к известным политическим событиям 2022 года. Но Михалкова решила задачку так же легко и непринужденно, как Макар Илюшин вычисляет преступника, немного посидев в раздумьях и порисовав на листах бумаги каляки-маляки. После слов «Глава 1» следует уточнение: «Июль 2018 года». Действие развивается или линейно в указанном времени, или двадцатью годами ранее. Текст книги пропитан ядом мести, жаждой воздаяния за дела давно минувших дней. Это не чистый детектив, а экшен о том, чего стоит в нашей стране создать и сохранить малый бизнес. Об этом говорится безо всякого ерничества, с уважением. В небольшом пространстве автор совмещает призыв к социуму и отречение от него. Фактически пространство детективов Михалковой становится «башней из слоновой кости». Это простительно — от «легкого жанра» читатель не ждет социального пафоса. Зачастую попытки авторов актуализировать и заострить социальную подоплеку условных приключений вызывают отторжение и попреки.

Я бы добавила, что позиция Михалковой гуманна — маленький человек и его бытие ей интереснее судьбы человечества. Известно, что любить абстрактное человечество проще, чем конкретного соседа по коммуналке. Поэтому ее детективы, являясь классными остросюжетными романами, всегда основаны на межличностных отношениях и психологии. Вопросы нравственности она ставит и решает, не выходя за рамки жанра. Так, в романе «След лисицы на камнях» встает вопрос, что ценнее: торжество правосудия или счастье нескольких человек. К чести писательницы, заинтересованные лица выбрали правосудие...

В безвоздушном пространстве авторского конструкта обретаются и Илюшин с Бабкиным. Как ласково охарактеризовала их «родительница» в книге «Кто остался под холмом», «светловолосый прохиндей с ручной гориллой». Илюшин и Бабкин притягательны для читателя как экзотичные архетипы наших

современников. При этом друзья-антагонисты выглядят не как живые люди, а как функции, символы антагонистичных подходов к расследованию: «силой» или «умом». Заданная Михалковой в начале цикла дихотомия не меняется десятилетиями, но и не изживает себя. Тандем Илюшин — Бабкин «косплеит» классические пары Шерлока Холмса — доктора Уотсона, Ниро Вульфа — Арчи Гудмена, Эраста Фандорина — Масы. Ведомый (Бабкин) загружен наблюдением, сбором улики, рутинной полицейской работой. Ведущий (Илюшин) берет интеллектом, интуицией, озарениями и неожиданными аналогиями. Аналогии у Михалковой знатные. Так, загадку романа «Золушка и Дракон» Макару Илюшину помогла разрешить самая знаменитая сказка Шарля Перро в аутентичном пересказе.

Кто такой Макар Илюшин?

Нюансов работы частного детектива у Михалковой тоже значительно меньше, чем у Гэлбрейта. В основном она прописывает общение детективов со свидетелями... В отличие от Корморана Страйка, о происхождении и формировании Илюшина как личности не известно ничего. Он «наш» Эркуль Пуаро: без семьи, родных, роду-племени и внятного бэкграунда. Волей автора цикл выстроен как «вертикальный сериал»: каждая серия — самостоятельное приключение, сквозного сюжета, трансформирующего личность главного героя, нет. Возможно, потому персонаж Макар Илюшина почти не меняется от книги к книге. Единственный текст, отталкиваясь от которого можно хоть как-то строить «арку героя», — малоизвестный по сравнению с вышеописанными романами рассказ «Мужская логика 8-го Марта» из межавторского сборника «Эксмо» 2008 года. Там Макар после юридического института проходит практику в аудиторской компании и только начинает проявлять детективные способности, расследуя пропажу шикарного украшения у одного из сотрудников. Здесь впервые прописаны многие «фирменные» черты натуры Илюшина: начитанность (взял в помощники Г. К. Честертон), умение нестандартно мыслить, внимание к деталям, знание человеческой души. Из рассказа не следует, где Макар родился и рос, кто его воспитывал и почему он стал именно таким. От малой литературной формы это не требуется. Но и в большой форме Михалкова не прописала ему биографию.

По этой же причине Илюшин часто выглядит как персонаж-трикстер. Ему присущ сардонический юмор, любовь к зеленому чаю и бесполезной еде типа пиццы и китайской кухни и вечное мальчишество облика. Излюбленный эпизод Михалковой: в ходе сбора информации, когда собеседник начинает грубо, надменно или панибратски вести себя с Макаром, введенный в заблуждение его несерьезным видом, тот преобразается на глазах и показывает истинное лицо — взрослого хладнокровного человека, не признающего препятствий в погоне за истиной. В более поздних романах (призрачное напоминание о том, что годы идут и Макар не так юн, как смотрится) Сергей Бабкин периодически называет эти преобразования демоническими. «Вечная молодость» Илюшина не случайна, но что она означает или для чего задумана автором?

Два года назад был сделан любопытный писательский ход. Татьяна Степанова в предисловии к роману «Последняя истина, последняя страсть» (Эксмо, 2020) ответила на многочисленные вопросы читателей о возрасте ее центральной героини — криминального обозревателя Кати Петровской: «Катя всегда будет молодой, прекрасной, желанной и любимой. Она НИКОГДА не состарится. Она навсегда останется тридцатипятилетней и будет существовать

в этом возрасте и в этом образе и в будущем. Это мое авторское право и желание. Так что вам, дорогие мои читатели, придется это принять как должное». Возможно, что-то подобное замыслила в отношении Макара Илюшина и писательница Елена Михалкова, но пока не высказалась об этом определенно.

Не исключаю, что она видела своего персонажа существом высшего плана (вроде альтиста Данилова, посланного на Землю творить справедливость), и рано или поздно это проявится буквально. Это не единственный отголосок мистики в ее творчестве. Не только в «Илюшиниаде», во всех книгах Михалковой периодически происходят чудеса, помогающие главным героям. Особенно ей нравятся аблаки: энергетические сгустки, остающиеся от человека после смерти. Скажем, в романе «Нежные листья, ядовитые корни» аблак героини, заварившей кровавую кашу, помогает Илюшину, Бабкину и его жене Маше сражаться со своей погубительницей. Самый «простонародный» из детективов серии «Черный пудель, рыжий кот и свадьба с препятствиями» показывает убийство как гнев стихий, без участия злоумышленников, хотя таковых немало. Также у Михалковой являются ангелы, хорошим людям снятся вещие сны, а артефакты оказываются не только предметами искусства, но и волшебными атрибутами, помогающими положительным героям. Ирреальный элемент в приключенческой прозе в ходу со времен Александра Дюма и прибавляет тексту красок. В конце концов, то, что добро побеждает зло, тоже волшебство...

Мистика — это наше все. Например, на нечеловеческую природу Макара как будто указывают его откровения насчет подоплеки преступлений, берущиеся словно прямым из ноосферы. И то, что, сколько бы раз Илюшина ни били и ни похищали, он остается жив и здоров. Даже такие заковыристо рассчитанные покушения, как в романе «Прежде чем иволга пропоет», не увенчиваются успехом. Равно неестественно выглядит его хроническое одиночество в личной жизни: ни жены, ни детей, даже «на стороне». Несколько раз Макар встречал женщин, в которых искренне влюблялся. Но связи обычно оставались в пределах одной книги и не продолжались в дальнейших. Расследование убийства в кругу бывших одноклассниц («Нежные листья, ядовитые корни») свело Макара с Сашей Стриженовой. Они хорошо подходили друг другу и были рядом на протяжении следующей книги («Черный пудель...»). Но уже в следующей книге «След лисицы на камнях» напарники обсуждают причины ухода Саши. Они объясняются не от лица автора, а метафорически устами Илюшина: он сравнивает себя с кастрюлей на плите — кипятик бурлит, а картошка сырая. Возможно, образ Макара требует такой же обособленности от людей, особенно от семейных отношений, какой отличались Шерлок Холмс или Огюст Дюпен. Эдакое добровольное изгнанничество выдающегося ума, положение, которое обязывает. Мистично ли оно по своей сути? Скорее утрированно рационально.

Предположение, что Илюшин может превратиться в мистическое существо или саморазоблачиться, тоже выглядит сомнительно. Ни одна из книг Михалковой этого цикла ни по дискурсу, ни по тематике, ни по интриге не напоминает полномерные мистические детективы таких авторов, как Елена Хаецкая или Евгения и Антон Грановские. Сочинения Михалковой — это скорее спектакли, разыгранные в авторских декорациях. Однако таково большинство лучших книг детективного жанра. Дистанция от условного пространства детектива до полностью магической истории слишком велика, чтобы ее можно было преодолеть без предварительной подготовки. Кроме всего прочего, если Илюшин окажется подлинным демоном, он утратит Сергея Бабкина. А по сюжету Сергей такой же вечный спутник Макара, как Робин — Страйка. Детективные циклы

обоих авторов строятся на единстве и борьбе противоположностей двух главных героев. В случаях чудесного спасения побеждает дружба и взаимовыручка сыщиков...

Кто такой Сергей Бабкин

Что касается Сергея Бабкина, у него бэкграунд есть. Этот персонаж стоит на земле прочнее, чем Илюшин, хотя в его невероятной физической силе можно усмотреть былинные мотивы. О Бабкине известно, что он бывший оперативник. Ушел из полиции, но сохранил тамошние методы работы (может рукоприкладствовать, но не злоупотребляет, любит собирать и «просеивать» информацию) и полезные знакомства. Благодаря им он систематически получает сведения, недоступные посторонним. Почти все преступления у Михалковой расследуются параллельно с полицией либо по следам «висяка». Хотя это случается частенько, оставлять правоохранительные органы в дураках для автора не самоцель. Бабкин покинул структуру МВД, чтобы работать с Илюшиным. В текстах заметно «плавают» дата того момента — то пять лет назад, то девять... Видимо, поэтому у персонажей, даже у «приземленного» Бабкина, не указан возраст. Если отсчитывать от «Мужской логики 8-го марта», издательский проект походов Макара Илюшина длится уже 15 лет, и большую часть времени его сопровождает Бабкин.

Бывший опер был дважды женат, вновь встретил свою первую супругу в качестве жены фигуранта в романе «Рыцарь нашего времени» и понял, что развелся не зря. С новой женой Машей Бабкин встретился в романе «Темная сторона души». Она была втянута в хаос зловещих происшествий на фоне тихой пасторали. На последних страницах этой книги Бабкин и Маша сошлись и с тех пор «живут душа в душу» — вырастили Костика, ее сына от первого брака. Жизнь кипит. В последних книгах Маша снова забеременела, и Бабкин окружает ее несколько панической заботой. Макар требует, чтобы Бабкин назвал сына в его честь, а папаша отнекивается...

Забавно, что с беременной Машей вышло три книги, а долгожданное чадо все никак не народится. Внутри детективной вселенной Михалковой время течет по собственным законам, и в этом они родственны с Татьяной Степановой. Главное, что образ тяжеловесного и грубоватого, но доброго и честного Бабкина сообщает детективному циклу земное начало. Пожалуй, это он, а не Макар Илюшин мог бы составить конкуренцию Корморану Страйку...

Очень короткий вывод

Возвращаясь к изначально поставленному вопросу насчет «детективного импортозамещения», резюмирую. Если выразить это словами Чанцева, произведения Гэлбрейта и Михалковой «не меньше чем просто литература». Как ни парадоксально, именно западный автор явил миру социальность, пестовавшуюся русской классикой. Российская создательница детективов, напротив, ушла в поле художественной реальности, если не условности, что считается принципом зарубежной остросюжетной прозы. Заменить Гэлбрейта одной Еленой Михалковой так, чтобы не осталось и щелки, вряд ли возможно. Может, если «объединить» усилия целого ряда лучших современных российских мастеров детективного жанра, читатели не заметят недостатка иностранных развлекательных книг? Так или иначе, к новой реальности приходится приспособливаться... Такова жизнь.